

ЖЕНИХ- ПРИЗРАК

Тот, для кого весь в яствах стол стоит,
Тот, мне сказали, недвижим лежит!
Вчера при мне он в горнице прилег,
А нынче стлал ему седой клинок.
*Сэр Эджер, сэр Грейм и сэр Грей-Стил**

* Все встречающиеся в тексте стихи переведены Т. М. Казничевой.

На одной из горных вершин Оденвальда, дикой и романтической области в южной части Германии, лежащей близ слияния Майна и Рейна, в давние, давние годы стоял замок барона фон Ландсхорта. Теперь он пришел в совершенный упадок, и его развалины почти полностью скрыты от взоров буковыми деревьями и темными соснами, над которыми, впрочем, еще и поныне можно видеть сторожевую башню, стремящуюся, подобно своему бывшему владельцу — его имя я назвал выше, — высоко держать голову и поглядывать сверху вниз на окрестные земли.

Барон был последним отпрыском великого рода Кацинеленбоген* и унаследовал от предков остатки угодий и их тщеславие. Хотя воинственные наклонности

*То есть «Локоть кошки». Это имя носили представители некогда могущественного местного рода. Нам говорили, что первоначально это было прозвище, данное в качестве комплимента одной бесподобной красавице, принадлежавшей к этой семье и славившейся красотой своих рук.
Прим. авт.

предшественников барона и нанесли непоправимый урон фамильным владениям, он тем не менее старался поддерживать видимость бывшего величия. Времена были мирные, и германская знать, покидая свои неуютные замки, прилепившиеся к горам, точно орлиные гнезда, строила себе удобные резиденции в плодородных долинах. Барон, однако, гордо отсиживался наверху в своей маленькой крепости, поддерживая с наследственным упорством старые родовые распри и вражду, завещанную ему прапрадедами, и находясь по этой причине в дурных отношениях с некоторыми из своих ближайших соседей.

Барон был отцом единственной дочери; природа, дарящая людям единственного ребенка, сторицей вознаграждает родителей, создавая настоящее чудо, — так было и с баронской дочерью. Нянюшки, кумушки и окрестные родичи уверяли отца, что такой раскрасавицы не найти в целой Германии, а кому же лучше знать о таких вещах, как не им? К тому же она выросла под неусыпным наблюдением двух незамужних тетюшек, живших некогда, в дни своей молодости, при одном крошечном немецком дворе и отлично осведомленных во всем, что требуется для воспитания знатной дамы. Следуя их указаниям, она превратилась в верх совершенства. К восемнадцати годам она научилась восхитительно вышивать и изобразила на коврах целые жития святых, причем выражение их лиц было до того строгим, что они скорее походили на души чистилища. Она могла также почти свободно читать и разобрала по складам несколько церковных легенд и почти всю

«Книгу героев»* с ее нескончаемыми чудесами и подвигами. Она сделала значительные успехи даже в письме: умела подписать свое имя, не пропустив ни единой буквы и так разборчиво, что тетушки читали ее подпись, не прибегая к очкам. Она преуспевала и в рукоделии, снабжая дом изящными дамскими безделками всякого рода; была искусна в самых сложных новейших танцах, наигрывала на арфе и гитаре немало романсов и песен и знала наизусть все трогательные баллады миннезингеров. Ее тетушки — в дни молодости ужасные кокетки и ветреницы — были, можно сказать, предназначены к роли бдительных стражей и строгих судей поведения своей юной племянницы, ибо нет более чопорных и неумолимых дуэний, чем состарившиеся кокетки. Они почти не спускали с нее глаз; она никогда не выходила из замка без большой свиты или, вернее, охраны, и ей постоянно внушали правила благопристойности и беспрекословного послушания; а что касается мужчин, то — боже милостивый! — ее научили держать их на таком почтительном расстоянии, относиться к ним с таким недоверием, что без надлежащего дозволения она не посмела бы взглянуть даже на самого красивого кавалера в мире — да, да! — не посмела бы, даже если бы он умирал у ее ног. Прекрасные результаты такой системы были очевидны. Молодая девушка могла служить образцом послушания и благонравия. В то время как ее сверстницы растрачивали свое

* «Книга героев» — собрание немецких героических сочинений XV–XVI веков.

девическое очарование среди мирской сумятицы и мишуры, так что нежный цветок его мог быть сорван и потом выброшен какой-нибудь безжалостною рукой, она застенчиво и целомудренно, как роза между шипами-телохранителями, расцветала под бдительным оком добродетельных старых дев и превратилась наконец в прелестную девушку. Тетушки поглядывали на нее с гордостью и торжеством, похваляясь, что, хотя всем другим юным девам на свете недолго споткнуться, с наследницей рода Каценеленбоген, благодарение небу, ничего подобного случиться не может.

Хотя барону Ландсхорту и не посчастливилось иметь много детей, все же за его стол садилась куча народу, так как судьба с избытком наградила его бедными родственниками. Все они, как один, обладали характером пылким и привязчивым, что вообще свойственно небогатой родне; все обожали барона и пользовались любым подходящим случаем, чтобы налетать к нему целыми стаями и оживлять своим присутствием замок. Свои семейные торжества эти славные люди неизменно справляли за счет барона и, угостившись всласть, уверяли, будто на всей земле нет ничего упоительнее, чем эти семейные встречи, чем эти праздники сердца.

Несмотря на свой малый рост, барон обладал великой душой, и она пыжилась от удовольствия, сознавая, что в окружающем его крошечном мире ему принадлежит первое место. Он любил растекаться в длинных-преддлинных рассказах о доблестных воинах доброго старого времени, чьи портреты хмуро глядели со стен, и нигде он не находил таких внимательных слушателей,

как среди тех, кто кормился за его счет. Он всею душою тянулся к чудесному и безоговорочно верил бесконечным легендам и сагам, которыми в Германии славятся любая гора и долина. Его гости были, впрочем, еще простодушней и слушали эти рассказы с широко раскрытыми глазами и ртами, причем никогда не забывали выразить свое изумление, хотя бы им в сотый раз приходилось выслушивать то же самое.

Так вот и жил барон фон Ландсхорт, оракул у себя за столом, абсолютный монарх в пределах принадлежавшей ему небольшой территории и сверх всего счастливец, глубоко убежденный в том, что он — мудрейший человек своего века.

В момент, с которого, собственно, и начинается моя повесть, в замке происходило очередное сборище родственников, съехавшихся на этот раз по исключительно важному поводу: предстояло встретить жениха, избранного бароном для дочери. Между отцом невесты и одним престарелым дворянином-баварцем было достигнуто соглашение, ставившее своею целью объединить славу их благородных имен заключением брака между детьми. Предварительные переговоры протекали со всеми подобающими формальностями. Молодые люди были помолвлены, ни разу не повидав друг друга; уже был назначен день свадьбы. Молодой граф фон Альтенбург был вызван с этой целью из армии и в данное время находился в пути, направляясь в замок барона, чтобы из его рук получить невесту. Задержавшись по непредвиденным обстоятельствам в Вюрцбурге, он прислал оттуда письмо с указанием дня и часа своего прибытия.

В замке начались оживленные приготовления к приему долгожданного гостя. Прекрасную невесту наряжали с необычайной тщательностью. Тетушки, которым принадлежала верховная власть во всем, что касалось ее туалета, спорили из-за каждой принадлежности ее свадебного наряда целое утро. Используя их распрю, молодая девушка последовала указаниям своего вкуса, который, по счастью, оказался хорош. Она была так прелестна, как только мог пожелать юный жених. Тревога ожидания делала ее еще привлекательней.

Краска румянца, вспыхивавшая на ее лице и на шее, учащенное дыхание, колыхавшее грудь, глаза, время от времени погружавшиеся в задумчивость, — все свидетельствовало о нежном волнении, царившем в ее сердечке. Подле нее неизменно продолжали свои хлопоты тетушки, ибо незамужние тетушки проявляют особенный интерес к делам этого рода. Они преподали ей целую кучу благоразумных советов, наставляя ее, как держаться, что говорить и каким образом встретить своего суженого.

Барон был не меньше других занят приготовлениями. Сказать по правде, его вмешательства вовсе не требовалось, но этот живой, суетливый от природы маленький человечек не мог оставаться бездеятельным среди царившей вокруг суматохи. С невероятно озабоченным видом метался он по всему замку, непрерывно отрывая слуг от работы и увещевая их проявить как можно больше усердия; его жужжание, доносившееся из всех зал и всех комнат, было столь же докучливо

и неутомонно, как жужжание большой синей мухи в разгар знойного летнего дня.

Между тем зарезали заранее откормленного теленка, леса огласились гиканьем охотников, кухня была завалена отменной провизией, из подвалов извлекались целые океаны рейнвейна и ферневейна, даже на большую гейдельбергскую бочку* была наложена некая контрибуция. Все было готово к приему бесценного гостя с обычным для немцев веселым и шумным гостеприимством. А гостя все нет как нет: он запаздывал. Час проходил за часом. Солнце, еще недавно освещавшее своими косыми лучами могучие леса Оденвальда, теперь золотило уже только самую кромку горных вершин. Барон поднялся на свою самую высокую башню и напрягал зрение в надежде увидеть где-нибудь в отдалении графа и его спутников. Однажды ему показалось, будто он уже видит их; из долины послышался звук рогов, подхваченный горным эхом. Далеко, далеко внизу можно было различить всадников, медленно подвигавшихся по дороге; почти достигнув подножия горы, они внезапно повернули и поскакали в другом направлении. Угасли последние лучи солнца, в наступивших сумерках замелькали летучие мыши; дорогу уже едва можно было различить, на ней не было никого, кроме крестьян, устало

* В этих же краях, около города Гейдельберга, в замке курфюрста Баденского находился знаменитый на всю Германию чан для вина емкостью в 140 тысяч литров. Это и была «большая гейдельбергская бочка».

тащившихся по домам после дневных трудов. В те самые часы, когда старинный замок Ландсхорт пребывал в тревоге и беспокойстве, тут же, в Оденвальде, но несколько в стороне, произошло событие большой важности.

Молодой граф фон Альтенбург безмятежно совершал свой путь той легкой размеренной рысью, какая подобает человеку, едущему жениться и знающему, что благодаря заботам друзей он избавлен от хлопот и сомнений в исходе своего сватовства и его ждет невеста — ждет так же несомненно, как по окончании томительного пути его несомненно ожидает обед. В Вюрцбурге он встретился с товарищем по оружию, некоторое время служившим вместе с ним на границе. Это был Герман фон Штаркенфауст, славившийся среди немецкого рыцарства необычайной силой и благороднейшим сердцем. Он возвращался ныне из армии. Замок его отца находился неподалеку от старинной крепости Ландсхорт, но обе семьи издавна враждовали между собою и никогда не общались. Обрадованные неожиданной встречей, молодые люди повели речь о своих успехах и похождениях, и граф, среди прочего, сообщил также историю своей предстоящей женитьбы на девушке, которой он никогда не видал, но которую ему описали как редкостную красавицу.

Так как друзьям предстояло ехать в одном направлении, они решили проделать остаток пути сообща и, не желая торопиться, выехали на рассвете из Вюрцбурга, причем граф велел своей свите последовать за ним несколько позже и в дороге нагнать его.

Они коротали путь в воспоминаниях об эпизодах боевой жизни и былых похождениях; впрочем, граф, рискуя наскучить своему собеседнику, снова и снова принимался описывать прославленную красоту своей нареченной невесты и говорить о счастье, которое его ожидает.

Беседуя таким образом, они начали подниматься на один из самых глухих и лесистых перевалов Оденвальда. Известно, что леса Германии всегда так же кишмя кишели разбойниками, как замки ее — нечистою силой; в то время, о котором здесь повествуется, число первых еще более возросло за счет беглых солдат, слонявшихся по стране. Никто поэтому не увидит ничего необычайного в том, что наши всадники подверглись в лесной глуши неожиданному нападению шайки этих бродяг. Они доблестно защищались, но их силы были уже на исходе, когда на выручку к ним подоспела графская свита. При виде ее разбойники разбежались, успев нанести графу смертельную рану. Медленно и бережно доставили его обратно в Вюрцбург; из соседнего монастыря был вызван монах, славившийся своим умением врачевать с равным успехом и тело и душу: впрочем, первое искусство оказалось излишним — часы несчастного графа были уже сочтены.

Перед смертью он попросил своего друга немедленно отправиться в замок Ландсхорт и объявить роковую причину, из-за которой он не мог явиться к невесте в назначенный срок. Не будучи чересчур страстно влюблен, он был человеком в высшей степени аккуратным,

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

